

К счастью, Гу Цичи, раздражённый его назойливостью, повернулся к нему с бесстрастным взглядом и произнёс крайне холодно:

— Что тебе, в конце концов, нужно.

Бо Юй ответил:

— Уже полдень. Ты хочешь что-нибудь поесть?

После ночи, проведённой в активных занятиях, энергия была полностью исчерпана, и Гу Цичи был уже изрядно голоден.

Его желудок, сжимаясь, издавал звуки, выражая недовольство и голод. Гу Цичи надавил рукой на пустой живот и решил временно отложить свои претензии к Бо Юю.

— Я хочу поесть, — он мельком взглянул на Бо Юя, медленно произнося каждое слово. — Что-то горячее, китайскую кухню, и ещё я хочу рисовую лапшу.

Бо Юй внимательно слушал его, не забывая при этом открыть плотные шторы.

С пультом в руке он медленно раздвинул шторы, и жаркие летние лучи солнца хлынули в комнату. Золотистые, чистые лучи сплелись в мягкую парчу, мягко освещая фигуру молодого человека.

В воздухе плавали крошечные частицы пыли, а пушистые волосы Гу Цичи излучали золотистый блеск. Его длинные и густые ресницы слегка изгибались вверх, а в глазах светилась мягкая и нежная улыбка.

Губы, смоченные водой, покрылись блестящей плёнкой, слегка приподнявшись в уголках.

Кожа была белоснежной и нежной, мелкие волоски на лице были отчётливо видны в свете, но ни одного поры нельзя было разглядеть.

Это было лицо, к которому никто не мог бы придраться.

Он, должно быть, ангел, сошедший на землю, — подумал Бо Юй.

Мужчина опустил глаза, слегка наклонился и, не удержавшись, протянул руку, чтобы погладить его пушистые и мягкие волосы. Чёрные, блестящие пряди скользили между его пальцами, ощущение было приятным. Ладонь Бо Юя слегка сжала волосы, и он с удовлетворением улыбнулся, прежде чем повернуться и спуститься вниз, чтобы приготовить то, что хотел Гу Цичи.

Он сам совершил ошибку, заставив его мучиться до рассвета, и теперь должен был сам всё исправить.

Совесь и чувство вины присутствовали, но их было немного.

Когда Бо Юй, великий владыка, не остался в комнате, А-Цы, которая всю ночь звала Гу Цичи, наконец получила возможность ворваться внутрь.

Серебристая кошка выглядела жалко: её брови опустились вниз, а усы слегка свисали. Глаза, похожие на голубые сапфиры, были большими и круглыми, но наполовину скрыты опущенными веками. Уши дрожали, а внутренний мех слегка трепетал, мяуканье было печальным и

тоскливым.

Казалось, будто Бо Юй издевался над ней или Гу Цичи бросил её, и она собиралась стать бездомной кошкой.

Именно это заставляло её так страдать.

Гу Цичи протянул палец, сначала приподнял её за загривок, слегка подбросил и, сжав губы, тихо упрекнул:

— Ты снова потолстела.

Затем, взвесив её ещё несколько раз, продолжил:

— Сильно потолстела, я уже не могу поднять тебя одной рукой. С сегодняшнего дня тебе нужно меньше есть, пора худеть, слишком большой вес вреден для здоровья.

— Мяу-мяу-мяу... — А-Цы замыкала ещё жалобнее.

Гу Цичи не обратил на это внимания, переместив палец к её подбородку. За последние две недели серебристая кошка сильно поправилась: мягкий жир на подбородке был почти переполнен, а серебристые волоски скапливались там. Когда Гу Цичи гладил её, А-Цы расслабилась, хвост покачивался, и она начала мурлыкать.

Голова невольно качалась, она поворачивалась, чтобы потереться о руку Гу Цичи, а хвост закручивался, пытаясь обвить его.

К концу А-Цы вся прижалась к Гу Цичи, её белый и мягкий живот был полностью открыт, а язык с мелкими шипами лизал его руку.

Рука Гу Цичи стала мокрой и блестела на свету.

— Мяу-мяу-мяу... — А-Цы продолжала мяукать.

Гу Цичи улыбнулся: уголки его глаз заиграли улыбкой, глаза-персики приподнялись, а под глазами появились припухлости. На его теле было много серебристых кошачьих волосков.

Человек и кошка выглядели очень умиротворённо.

Желая запечатлеть этот момент, Гу Цичи мельком взглянул, наклонился и поднял свои упавшие на пол штаны, затем вытащил из них телефон.

Только он открыл камеру и навёл её на мяукающую А-Цы, как почувствовал, что сзади на него уставился горячий и пронзительный взгляд.

Бровь дёрнулась, висок напрягся, и в сердце Гу Цичи возникло неприятное предчувствие. Оглянувшись, он встретился взглядом с Бо Юем.

И с его мигающей камерой.

Камера была направлена на А-Цы — а точнее, на Гу Цичи над ней.

Красавец был лишь слегка прикрыт одеялом: кожа, открытая перед камерой, была белоснежной и нежной, на шее и плечах виднелись глубокие следы, спускающиеся вниз.

Невозможно было сосчитать, сколько их было.

Увидев, как Гу Цичи смотрит на камеру, Бо Юй быстро убрал телефон, слегка кашлянул. Горло слегка запершило, и сердце защемило.

Бо Юй сказал:

— Цичи, обед готов, спускайся поесть.

Услышав это, Гу Цичи промолчал и, не обращая внимания на взгляд Бо Юя, бросил одеяло и медленно потянулся к своим измятым вещам.

Фу.

Полный беспорядок.

Никак нельзя было это надеть.

Красавец бросил сердитый взгляд на виновника, скомкал одежду и швырнул её в Бо Юя.

Бо Юй, сознавая свою вину, достал из шкафа несколько своих вещей и протянул их Гу Цичи, мягко уговаривая:

— Поешь, а потом отдохни. Позже я отвезу тебя в одно место.

Гу Цичи поднял голову, брови всё ещё были нахмурены:

— Куда?

— В Бюро гражданских дел.

Бюро гражданских дел?

Гу Цичи, застёгивая рубашку, остановился и с лёгким недоумением посмотрел на Бо Юя.

Его рубашка была расстёгнута, кожа белоснежная и нежная, но он не был похож на худосочного цыплёнка.

Грудь слегка поднималась, мышцы были чётко очерчены: шесть кубиков пресса выглядели красиво, сильными, но не лишёнными эстетики. Линия талии спускалась вниз, скрываясь в брюках. На спине мышцы были подтянуты, тонкие и гладкие, как тёплый нефрит, приятные на ощупь.

— Мы идём зарегистрировать брак? — Гу Цичи поправил растрёпанные волосы на лбу, медленно застёгивая пуговицы, и поднял глаза, чтобы спросить его.

Бо Юй слегка моргнул, его взгляд скользнул с лица вниз, к слегка покрасневшей родинке.

Он вчера действительно переборщил.

Адамово яблоко качнулось, Бо Юй лизнул свои клыки — слегка зачесалось.

Гу Цичи был слишком безрассуден: он даже не представлял, насколько тот притягателен.

В ту ночь у дверей квартиры красавец наклонился ближе, его голос был низким и глубоким, с

крючком на конце — как у духа, заманивающего душу.

Бо Юй хорошо помнил, что Гу Цичи сказал, что ему очень нравится родинка на его кадыке.

А вчерашней ночью Гу Цичи своим действием доказал, насколько он жаждет эту родинку.

Если он осмелился поцеловать его без колебаний, то что Бо Юй мог бояться?

Гу Цичи в ту ночь ясно дал понять, где находится его родинка...

Казалось, он почувствовал взгляд Бо Юя: Гу Цичи опустил глаза, следуя его взгляду.

Пока они говорили, А-Цы с удовольствием терлась о ноги Гу Цичи, открывая самый уязвимый живот. Белый мех был слишком мягким, слегка касаясь тонких лодыжек Гу Цичи.

Было немного щекотно.

Гу Цичи сжал пальцы ног, подошва напряглась, обнажая чёткие кости. Вены, как цветы, поднимались вверх, останавливаясь на красном следе на лодыжке.

Это выглядело немного пугающе.

Хотя их рост был почти одинаковым, телосложение Бо Юя было больше, чем у Гу Цичи, а плечи шире.

Поэтому рубашка Бо Юя на Гу Цичи была свободной и мешковатой: подол рубашки медленно скрывал бёдра, создавая ощущение, что он носит рубашку своего парня.

Мягкие золотистые лучи света лились вниз, как золотая река, и Гу Цичи был погружён в неё, создавая атмосферу чистоты и желания, которая сейчас в моде.

Нет, слово «чистота и желание» слишком вульгарно — грязные мысли, скрытые в нём, всплывали, как грязь. Использовать его для описания Гу Цичи было бы оскорблением.

Он был святым, — беспечно подумал Бо Юй.

Можно было бы заменить «рубашку парня» на «рубашку мужа».

Это больше подходило бы Гу Цичи, и Бо Юю это нравилось больше всего.

А красавец не думал о том, что думал Бо Юй: его ресницы слегка дрожали, глаза-персики расширились от удивления, и он был немного ошеломлён.

Бо Юй: Самое счастливое — это проснуться утром и увидеть жену, мирно лежащую рядом.

Гу Цичи: Ты, мерзавец.

Бо Юй: Жена... [жалобно.jpg]

<http://bllate.org/book/17675/1647583>